

За ленточкой

Владимир Ераносян

ШТУРМОВИК

За ленточкой

Владимир Ераносян

Штурмовик

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Ераносян В. М.

Штурмовик / В. М. Ераносян — «ВЕЧЕ», 2026 — (За
ленточкой)

ISBN 978-5-4484-5953-5

По данным Службы внешней разведки России, в составе ВСУ служат не менее 5000 латиноамериканских наёмников. Среди них не только бывшие военные, но и лица с криминальным прошлым, в том числе члены наркокартелей. Именно с ними и со спецназом ГУР МО Украины пришлось столкнуться штурмовой группе гвардии старшего лейтенанта Муромова из 810-й бригады морской пехоты, чтобы выполнить боевую задачу командования группировки «Север» в Курской области по освобождению из плена дочери генерала Ларина.

УДК 821-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5953-5

© Ераносян В. М., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Предисловие от автора	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	19
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Максимович Ераносян
Штурмовик
Роман

© Ераносян В.М., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

* * *

*Героической гвардейской 810-й бригаде морской пехоты
Черноморского флота России посвящается...*

Предисловие от автора

В тот день, когда морпехи Истина, Спутник и Абдулла везли меня по «открытке» в густой лес, где располагался замаскированный командный пункт, разразилась сильная гроза.

Мне как приверженцу теории божественных знаков и адепту семиотики пасмурное небо показалось хорошим предзнаменованием, особенно с учетом, что везли меня к комбригу с позывным Гроза.

– Видимо, «птичкам» сегодня не до нас? – предположил я вслух.

– Повезло... – согласился кавалер ордена Мужества Спутник.

Замкомбрига, гвардии подполковник, четырежды кавалер ордена Мужества Истина молча кивнул, но все продолжили сосредоточенно смотреть по сторонам. Причем не только вверх, но и вниз, под колеса...

Вымпел с якорем на фоне Андреевского флага и девизом «Там, где мы, там – Победа!» раскачивался вслед за зигзагами морпеха Абдуллы, который сидел за баранкой УАЗа-«Патриот». По слухам, он научился неплохо уворачиваться от FPV.

Детекторы дронов работали, а в салоне на всякий случай лежал дробовик.

Тут я припомнил предостережения Ленина, кавалера ордена Мужества, легендарного спеца в сфере беспилотной авиации, отвечающего в батальоне Омеги за аэроразведку и сбросы. С ним я встретился за час до этих ухабин и тропинок нашей размытой дождем извилистой логистики. А до этого много слышал о нем от Итальянца, командира роты «Итальянцы Шторм V», бойцов которого Ленин обучал «летать» еще в Крынках и на островах в дельте Днепра.

– Противник в дождь наносит на FPV-шки антидождевой химический раствор-гидрофобизатор, – вкрадчивым спокойным голосом объяснял мне Ленин, статный парень, который получил свой позывной из-за бородки, как у «вождя мирового пролетариата». – Полимер в органическом растворителе. Он когда высыхает, то образует гидрофобную плёнку. Вода на такой плёнке не растекается, а собирается в шарики-капли. В полете они смахиваются потоком воздуха.

Ленин много чего знал о БПЛА: о местных сим-картах, которые через свою агентуру скупает враг, чтоб не пропадал GPS-сигнал, о БПЛА-бомбометах и октокоптерах, именуемых «Бабой-Згой», о тепловой сигнатуре, которая нужна операторам дронов как воздух для работы по ночам...

Он дежурил вместе с подчиненными, с Шаманом и Кадетом. Это трио – глаза и крылья комбата Омеги. Ленин вернулся в строй после тяжелого ранения – назад к братьям по оружию, надежным друзьям, его фактической семье. Шаман похож на аспиранта, он в очках – внимательно смотрит в монитор. Кадет же – совсем юный паренек, перешедший в морпехи из «мобиков», родом из Гурзуфа.

– Как так, там же море, галька и солнце! Чеховские места, рай на земле! – вздохнул я, вспоминая чеховскую дачу над скалистым обрывом.

– Бархатный сезон закончился, вот он и мобилизовался, – пошутил услышавший мою полную удивления реплику Спутник. И все, оценив юмор, рассмеялись.

Я рассказал парням о содержании привезенных в подарок книг и отправился дальше. В пути, перед аудиенцией с Грозой, меня ждало еще несколько важных встреч.

...Оставшиеся после зачисток населенных пунктов, урочищ и речных долин растяжки, «лепестки», противотанковые мины, «прыгающие Бетти» и их советские аналоги – выпрыгивающие противопехотные мины ОЗМ-ки, которые на армейском жаргоне прозваны «ведьмами» и «лягушками», – это еще не все «сюрпризы».

Кавалер ордена Мужества Уран, по совместительству с основной должностью продолжающий передавать боевой опыт бойцам на импровизированных полигонах, советует проявлять

осторожность и не наступать на сомнительные «бревна». В них тоже может быть замаскированное взрывное устройство.

– Лучше обезвредить дистанционно, подорвать на безопасном расстоянии, – изрек Уран.

Он вроде как в батальоне считается «обезбашенным», как мушкетер из бессмертного творения Дюма, ведь это Уран сказал как-то при приближении огромной вражеской колонны «Ну что, давай их нахлобучим!» Это случилось в самом начале августа 2024-го, когда противник вклинился в Суджинский район Курщины. Тогда морпехами 810-й бригады командовал знаменитый Монгол, герой России.

Монгол рассказал мне в личной беседе, состоявшейся в Москве спустя год после изгнания захватчиков с Курской земли, как 810-я бригада вступила в бой с превосходящими силами врага прямо с колес, пройдя марш-броском 1000 километров.

Тогда подопечные трижды кавалера ордена Мужества с позывным Листок, одного из лучших командиров соединения, в первом же бою сожгли 20 единиц техники украинских боевиков, устроив неонацистам «сюрприз» в виде засады. Сделали свою работу в тот день без потерь, застав врага врасплох.

В «располаге» Уран, несмотря на репутацию сорвиголовы, показался мне предельно спокойным и по-хозяйски предусмотрительным. А из беседы с ним я узнал, что опыт свой Уран передает молодым бойцам на импровизированных полигонах.

Эти опорники в укрепрайонах остались в «первозданном состоянии» после зачистки от элитных подразделений «укровермахта». Почему бы не использовать окопы и в блиндажи для занятий по боевой подготовке?! Там и учит Уран и другие опытные инструктора личный состав штурмовым действиям в тактических группах, инженерно-саперному делу и даже управлению мотоциклами.

Начальник штаба бригады, трижды кавалер ордена Мужества гвардии полковник Тайфун считает, что мотоциклы и баги – весьма полезный транспорт для разведки, эвакуации и штурмовой работы.

– Иногда и крыши у «буханок» и джипов срезаются. Так «птичку вражескую» быстрее обнаружишь и поразишь... – начальник штаба бригады рассказал за чашкой чая о работе групп эвакуации и штурмовых тактических подразделениях, чтоб я ничего в книге не напутал.

Истина и Тайфун – одни из прототипов героев «Инсургента» – популярного у «черных беретов» романа об июньском путче 2023 года и морпехах, которые во время смуты отражали украинский контрнаступ.

Книга понравилась личному составу соединения настолько, что они и члены их семей покупали роман пачками на всех маркетплейсах. Ну а враг попытался использовать популярность книги и автора для проведения теракта в Севастополе. Попытка провокации на праздничные майские дни 2025 года была сорвана. Проявили бдительность – усомнились в фейковых анонсах и семплинге – бесплатной раздаче ста экземпляров первым посетителям ложной презентации. Вовремя среагировали!

Перед написанием нового романа «Штурмовик», посвященного бойцам и командирам гвардейского соединения, я не мог не встретиться с командиром бригады. Эта встреча интерпретировалась мной, исследователем судеб с точки зрения зависимости фатума и выбора, чем-то вроде благословения, ведь не каждому морпехи доверят написать о себе.

Комбригу прославленной 810-й бригады Грозе меня представили как опытного автора, собирающегося написать книгу о героических подвигах морпехов.

Легендарный Гроза, имевший непосредственное отношение к разработке операции «Поток» как командир одного из оперативных направлений при освобождении Курщины, человек, занимавшийся боевым слаживанием и совместными штурмовыми действиями северо-корейского спецназа и наших подразделений, принял меня гостеприимно и угостил чашкой кофе.

– Курщина освобождена, создаем буферную зону? – спросил я.

– Действуем в строгом соответствии с приказом Верховного главнокомандующего. – ответил Гроза.

– Враг по-прежнему изобретателен, и много ли наемников? Правда ли, что появились латиноамериканцы? – боялся я упустить важное.

– Англичане, поляки, французы, испанскую речь тоже слышим. Трупы колумбийцев обезображивают, чтобы невозможно было идентифицировать, – подтвердил командир. – Противник использует дома мирных для размещения операторов дронов. Вот в этом населенном пункте больше 1224 домов, а в этом 500... Вычисляем и разбираем, чтобы не бить по гражданским. Точечно.

– Верно ли, что враг использует культовые учреждения для складирования боеприпасов, как укрытие и как накопители для личного состава? – раширало меня журналистское любопытство.

– Перед освобождением Горналя, когда враг укрывался в монастыре у горы Фагор, мы не хотели вести огонь по зданию, но батюшка местный благословил. Сказал: «Бейте фашистов, мы потом восстановим!»

Говорили долго, но я понимал, что морпехи заняты боевой работой – им прикрывать фланг «северян», продвигающихся на Сумщине. Гроза подписал мне вымпел, написав: «Владимир, творческих успехов и крепости духа!»

На прощание я подписал Грозе «Инсургент» и другие книги и пообещал, что «Штурмовик» станет не менее захватывающим боевиком.

...У меня с 810-й сложились великолепные отношения, и я не мог их подвести. Но по дороге назад я размышлял, хватит ли у меня таланта, чтобы отразить в художественном произведении боевой путь 810-й? А может, стоит сосредоточиться только на одном оперативном направлении, на Курщине? А как же требования издателей, чтобы в романе был не только экшен, но и любовная история, держащая в напряжении драматургия, трансформация образов?..

– Истина, – обратился я к другу уже после разговора с Грозой, – документальный фильм мы снимем обязательно, но в «Штурмовике» будет собирательный образ морпеха 810-й. У вас все герои, и у каждого история, достойная романа. А еще вы скромны и придерживаетесь воинской этики. Вот ты же сказал, что тульские и псковские десантники, морпехи-тихоокеанцы, калининградские мотострелки тоже хорошо воюют. Ты никогда слова плохого не сказал про «смежников».

– Да, так и есть.

– В этом вся суть. Вы не кичитесь славой и делаете свою работу. Я постараюсь вместить все. Но не знаю, получится ли у меня...

– Получится, – уверенно произнес Истина. – А потом снимем фильм. И документальный, и художественный.

На том и порешили.

Выезжая из Курского приграничья в Курск я вдруг вспомнил, что Гроза и Истина говорили о наемниках из Латинской Америки, о том, что их лица обезображивают, и даже отрезают пальцы, чтобы невозможно было снять отпечатки.

А потом, уже проезжая Тулу, перещелкивая диапазоны с радиопрограммами, я наткнулся на новость о том, что мексиканские и сальвадорские банды из-за Трампа вынуждены покидать Техас и Калифорнию, а в Мексике у картелей не находится для них вакансий. Они вынуждены искать «работу» на стороне...

Приехав домой и засев за роман, я накопил много информации, которую подтверждали и Минобороны, и СВР – о том, что в урочище Глубокое, что на Курщине между Олешней и Горналем, и в самом Горнальском Свято-Николаевском Белогорском монастыре наши войска

столкнулись с наемниками-«латиносами». Разные паблики размещали «пруфы» о перестрелках колумбийцев, которым не заплатили их гонорары, и их украинских нанимателей в лице ГУР МО, курирующего «Иностранный легион».

Сюжет понемногу формировался, «пазл» складывался. Вымысел, переплетаясь с реальными фактами, наделял повествование ритмом. Боевик наполнялся трагизмом и логикой того ментального ряда, что присущ злодеям и свойственен праведникам, но без лубочности образов, стереотипов и клише.

И вот роман готов.

Главный герой в нем – морпех 810-й бригады Муромов, позывной Филин.

Его на самом деле не существует, но, поверьте мне, он есть! Это и Мороз из батальона Омеги, что подорвал себя гранатой, чтобы не сдаться в плен. Это и Мрамор, эвакуировавший в Мариуполе 1400 гражданских, это и Гранит, павший на безымянном острове, и те герои, кто эвакуировал боевого товарища, чтобы похоронить его с воинскими почестями, и сотни других. Живые и мертвые... Наши парни из 810-й. Гордость флота и страны. Надежда и элита Вооруженных сил России.

Тебе, уважаемый читатель, судить, как вышло. Но я очень старался. Это моя тринадцатая вещь. Но черная кошка, перебежавшая дорогу перед машиной, за рулем которой находился Абдулла, была с белым фартуком – я это твердо видел!

Глава 1

Рейд

Стремительное продвижение маневренных диверсионных групп ВСУ, начавшееся в августе 2022 года, оказалось для киевского режима успешной тактикой. Быстроходные броневики с десантом не задерживались в населенных пунктах, огибая города и села Харьковской области.

Поиски брешей в обороне давали мгновенные плоды – огромные территории в тысячи квадратных километров практически без сопротивления снова переходили под контроль противника. Подходящие на смену мобильным разведгруппам из аэромобильных частей, подразделения ГУР и ССО Украины закреплялись, окапывались, минировали «опорники» по периметру и превращали деревни и поселки городского типа в рубежи обороны, а жителей – в «живой щит».

Застав врасплох плохо укрепленные позиции российских войск, украинские военные разжились огромным количеством трофейной техники и боеприпасов, оставленными отступающими силами армии России. Дабы не оказаться окруженными, большинство подразделений Минобороны и Росгвардии спешно отходили за Оскол. В России объявили частичную мобилизацию.

Балаклея, Чугуев, Изюм, Красный Лиман, Купянск были потеряны. Разгар расправ над мирным населением, замеченном в симпатиях к русским и коллаборационизме, пришелся на середину осени. Расстрелы без суда и следствия происходили повсеместно, чему свидетельство – братские могилы, реки слез и, конечно, злорадство духовных наследников Бандеры.

...Пожилему Ивану Игнатьевичу Мартыненко нечего было сказать мародерам. Они сновали из одной комнаты бревенчатой избы в другую, выискивая ценности. Нашли пару золотых цепочек, советские ордена, оставшиеся от отца, в том числе «Дружбы народов» с гербом СССР и «Знак почета» с рабочим и колхозницей, немного наличности и в подвале емкости с квасом живого брожения, который почему-то приняли за самогон.

«Только б не тронули Марию Савельевну и не надругались над внученькой Ингой...» – шестидесятипятилетний мужик думал сейчас не о себе. Он переживал за прикованную к постели онкобольную супругу, которая уже год облегчала мочевой пузырь лишь с помощью катетера и мочеприемника, и мало соображала, что за люди рыскают по шкафам и полкам. Но больше он сейчас думал о своей внучке Инге, белокурой красавице с голубыми глазами, которая сидела сейчас в закрытой комнате с грудничком, так не вовремя появившимся на свет. Ее эти изверги могли обидеть больше всех...

Зашел старший, видно, офицер. Обыск резко остановился, и мародеры в пиксельном камуфляже на мгновение замерли, ожидая распоряжений.

Довольно молодой офицер с атлетической фигурой и симпатичным загорелым лицом оглядел всё вокруг.

Седой как лунь Иван Игнатьевич стоял у комода и смотрел в одну точку, пытаясь отогнать от себя нехорошие предчувствия и не выдать страха за близких. Похожий на киноактера Жан-Клода Ван Дамма украинский командир демонстрировал полуулыбку на своем идеальном, словно выточенном из камня лице с ровным носом и немного выдвинутыми скулами. Определить смысл подобной улыбки для неискушенного человека вряд ли представлялось возможным. Даже многоопытный Мартыненко мог принять ее как за проявление доброго нрава, так и за ухмылку садиста.

– Так, говорите, вы тут местная власть? – вдруг произнес он, не расставаясь со своей ухмылкой. И все-таки толстые губы не всегда принадлежат сердобольным, особенно когда они

растягиваются лишь в одну сторону, формируя ямочку на свежесбрившей щеке, и когда они принадлежат человеку, который смакует момент перед расправой, опрометчиво полагая, что уж он-то наверняка застрахован от любой экзекуции.

– С вами я прежде знаком не был и ничего подобного не говорил, – спокойно ответил Мартыненко. Его визави посчитал такую смелость наглостью, но улыбку не сбросил.

– Ну, за вас сказали односельчане, – продолжил допрос офицер. – Тот, что слоняется во дворе, донес. Он сказал, что вы добровольно стали главой поселковой администрации, рулите тут от имени оккупантов, активно агитируя за Путина. Выходит – предатель и коллаборант. Так?

– Семен... соседский парень, – угадал Мартыненко, смекнув, что больше «навести» на хату было бы и некому и что терять теперь уж точно нечего – убьют по-любому.

– Я вам про Фому, а вы мне про Ерему. Ваша русская пословица, – не оценил догадку собеседника офицер. – Итак, вы есть самый отъявленный негодяй и предатель. И по законам военного времени подлежите военному трибуналу и немедленной казни. Верно? Как вы сами считаете, какую казнь заслужили – через повешение или вас расстрелять? Что выберем?

– Не убивайте дедушку! – закричала испуганная Инга. Она минутой раньше запеленала недавно родившееся дитя и аккуратно уложила новорожденного мальчика в люльку. Девушка слышала весь разговор и выбежала из комнаты, невзирая на животный страх и отчаяние.

Могла ли она повлиять на этих непрощенных гостей хоть как-то, могла ли спасти деда с бабкой? Об этом не думалось, да и деваться было некуда. Может, и пощадят, проявят милость...

– Разворачивается целая драма. И ход событий становится непредсказуемым, примерно таким же, как для русских захватчиков, вторгшихся в нашу Украину. Вы пожинаете плоды своей недалекости, сделав ставку на убогую клячу. И не на того парня, верно, девушка? Как вас звать-величать? – украинский командир присел за обеденный стол, чтобы продолжить беседу.

– Инга... – представилась та и, не в силах сдерживать эмоции, заплакала.

– Ну что, Инга, и вы, похоже, поставили не на того? По слухам, отец вашего ребенка – русский десантник. Голубой берет, так сказать. Говорят, жених ваш несостоявшийся прямо тут квартировал и харчевался с февраля двадцать второго. Следовательно, ребенок родился недоношенным? Выжил, значит.

– Да, выходили. Вес набирает сынок... – хлопая глазами, из которых без остановки катились слезы, затараторила Инга, не понимая, к чему он клонит.

– Что в бутылках? – поинтересовался у подчиненных главный мародер, отвлекшись от вопроса и увидев у них конфискованные емкости. Мордovorоты держали в руках часть награбленного, самое ценное впопыхах расовав по карманам.

– Думали, самогон, Призрак. А оказался квас... Кислющий! – ответил ему самый смелый громила.

– Ну, тогда пусть хозяйшка разольет. Надеюсь, в зажиточной семье коллаборантов найдутся чистые кружки и поднос. Обслужи, красавица, как своего суженого, который тебе, правда, никак сейчас не поможет, как и Путин – твоему дедуле.

Инга без лишних вопросов подчинилась и стремглав ринулась на кухню. Она мигом нашла стеклянные стаканы, поставила их на поднос и разлила хлебный квас.

– Может, покормить вас? – хваталась она за соломинку, чтобы задобрить визитеров. – Забирайте все, только простите деда. Он не со зла, не со зла он!.. Жена у него больная, лежачая. Бабуля моя... Вот и приняли постояльцев.

Отхлебнув глоток, офицер сморщился, брезгливо демонстрируя, что напиток передержали.

– Сахарку можно добавить, – услужливо предложила девушка.

– Лучше клубнички... – едва не облизнулся Призрак, явно намекая на непристойность. Предчувствие деда не обмануло: недвусмысленная улыбка, которая Ивану Игнатьевичу успела опротиветь, выдавала истинного злодея.

– А родители твои где, коль это дед с бабкой?

– Накрыло снарядам хату их еще в прошлом году, – доложила Инга, отгоняя плохие воспоминания. Жаловаться сейчас было неуместно. Да и не этим же!

– Чьим снарядам? – потребовал уточнения Призрак.

– Чего? – переспросила девушка.

– Глухая, что ли? Спрашиваю, чьим снарядам? Нашим или русским? – повторил вопрос украинский командир.

– Мне почем знать? – испугалась еще больше девушка.

– Стало быть, сирота, – сделал вывод Призрак. Эта информация его никак не растрогала, и он продолжил допрос. – Дедушка при этом не возражал, когда тебя русский вэдэвэшник брюхатил? Баба с возу – кобыле легче?

– У них по любви все было, – вставил дед.

– А чего местные не устроили? Вон тот увалень, Семен ваш соседский, выходит, не ровня? Он же неспроста обиду на тебя, дед, держит? Благословил ты, стало быть, внучку на измену родине?

– Где ж тут измена родине, мил человек? – не согласился Иван Игнатьевич.

– Так может и ты не зрачник вовсе? А ну-ка, расскажи свое алиби? У меня академия сухопутных войск имени гетмана Сагайдачного за плечами, испанский, английский, даже латынь изучал факультативно. Римское право, современное... Игнорирование добросовестного алиби есть сокрытие доказательств. Есть оправдание у тебя сотрудничеству с оккупантами? Не силком же тебя притянули. Просчитался дед. Признай! Думал, навсегда они пришли. Ан нет, не повезло тебе. Трещит по швам империя! Колосс на глиняных ногах.

– Нечего мне сказать. – опустил голову Игнатьич, – Виноват. Только жену мою и внучку-сироту пощадите. Они-то ни при чем, это я по-вашему зрачник. Только я.

– По-нашему? Только по-нашему ты зрачник? А по-твоему ты кто, поведай, может и убедишь меня. И тогда я тебя не расстреляю. Может, ты герой? Давай.

– Переворот это был. В 14-м. Власть силком захватили в Киеве. Не выбирал я их, – выпалил дед правду-матку. – Я против Бендеры и потомков полицаев.

– Бендеры – правильно Бендеры. Ты, значит, против Степана Бендеры. И за Путина, значит... За президента чужого государства, которое напало на самостийную Украину и убивает граждан твоей страны. – Призрак встал и нарочно уронил стеклянный стакан. Тот разбился вдребезги, и жидкость разлилась по полу.

Инга ринулась за ведром и тряпкой, но Призрак остановил девушку и продолжил, глядя на осколки и лужи кваса:

– Мы расколем их страну на много-много кусочков, как этот стакан, и они захлебнутся в собственной крови, все как вот здесь, на полу сейчас наглядно показано... Расшатается все изнутри и рухнет.

– Потому они и пришли, – изрек дед, – Потому что ведали о таких планах.

– Замолчи, дед! – прошипела на пожилого человека внучка, и Игнатьич опустил глаза, верно, сболтнул лишнего всем на беду. Дернула нелегкая! Молчать, наверное, нужно было, сглотнуть обиду...

– А дед не из робкого десятка, враг идейный и неисправимый, – оценил Призрак, – Как коммунист рьяный. Небось бегал памятник Ленину защищать, когда его сносили. Бегал ведь?

– Я в Бога верю и его восславляю, – гордо, но тихим голосом изрек пожилой мужчина, уже приготовившись к самому худшему.

– Не поможет тебе сегодня ни твой московский Бог, ни твой Путин.

– Бог один у всех. Все под ним, – поправил неугомонный дед.

– Бог – он, может, и один, но Путиных-то точно два или три! – глумился Призрак, и каратели из его группы поддержали зычным хохотом. А командир шайки продолжил: – Но ты-то про двойников не слыхал, конечно! Так вот: ни поп московский, ни Путин, ни его двойник, ни вэдэвэшник ее, которого днем с огнем теперь не сыщешь, не явятся сюда... Молись не молись, зови не зови. Все без толку! Папаша ее ублюдка, видать, червей кормит, землю нашу захватчик удобряет. А может, и жив еще, может, где-то рядом притаился, но не здесь он! Нет его тут! Жаль, не я с него кожу содрал или живьем закопал, если он сдох. А если нет – еще будет повод доставить себе удовольствие!

Инга замерла, словно остолбенела. Она плохо разбирала смысл произнесенного, но чувствовала свою абсолютную незащитность перед роковым стечением обстоятельств и злой судьбой, пути которой неисповедимы и бывают беспощадны без градации людей на праведников и грешников.

– Единственная персона, кто помочь тебе щас сможет, зрадник поганый, так это вот она. Внучка твоя симпатичная... Хрупкая молодка с веснушками. Иди-ка, Инга, в ту комнату, где ребенка уложила, и жди меня!

Дед ринулся к девушке, чтобы защитить, но тут же получил удар прикладом в живот от одного из громил. Второй удар пришелся по затылку, и дед потерял сознание. Инга хотела помочь дедушке, но Призрак жестко пресек ее попытку:

– Назад. Делай, что сказано! И не пищи. Он жив, а ты есть мой трофей. На любой войне победитель забирает все, в том числе жизни и честь побежденных. Иногда и то, и другое зараз! Война – искусство обмана. Приходится лгать, чтобы выиграть! Делай свое дело – спасай деда, чтоб я не приказал его расстрелять.

Высокомерная улыбка не сходила с лица Призрака. Он подал тайный знак подчиненным, чтобы они не теряли время и использовали крюк от люстры по назначению, а сам вошел в комнату и плюхнулся на кресло.

Инга повиновалась, рассчитывая на милосердие карателей.

Призрак упивался абсолютной властью и лишь один раз вымолвил слово, приказав девушке открыть глаза и смотреть ему в лицо.

...Он вышел из комнаты первым и с одобрением бросил взгляд на повешенного на крюке и уже бездыханного деда Мартыненко, а затем громко скомандовал:

– Все сжечь! Знатно погуляли! У нас мало времени. Пора работу делать.

– Ага, босс! – Карателям не нужно было повторять приказ – они уже принесли канистры и разливали солярку.

Выбежавшая из комнаты Инга обезумела, когда увидела деда повешенным. Она орала, что было сил:

– Вы же обещали! Гады! Вы же обещали.

– Я обещал не расстреливать. А не вешать и не жечь. – не оборачиваясь изложил свое видение Призрак. – Людьми можно управлять либо с помощью страха, либо с помощью их любви. Но они нас никогда не полюбят...

Головорезы из диверсионно-разведывательной группы Призрака подожгли дом с нескольких сторон. Инга помчалась к бабке, которая не могла передвигаться иначе, как на инвалидной коляске. Но ее нужно было сперва поднять с постели, а потом посадить в кресло.

Дом горел, она уже задыхалась от едкого дыма. Понимая, что не сможет одновременно спасти бабушку и ребенка, она ринулась к грудничку.

– Запри дверь. – отдал последнее распоряжение Призрак, перед тем, как нырнул в салон броневика. – Оставайтесь здесь, пока все не стгорит дотла. Нам не треба живых свидетелей оставлять! Догоните. Я еду проверять, как идет зачистка соседней деревни.

– Есть, босс, – взял под козырек подчиненный гуровец и сперва припер дверь бревном, а затем вовсе заколотил вход тяжелой доской.

Соседский Семен кружился вокруг дома как суетливый тетерев, кудахтая на току, однако в голове не было ничего, кроме паники и проблесков осознания, что он натворил нечто ужасное и непоправимое.

Инга с ребенком на руках тарабанила в заколоченную дверь. Ничего не выходило. Она вернулась в детскую комнату, положила новорожденного обратно в люльку, взяла проклятое кресло, на котором восседал каратель, и со всего размаха бросила его в окно.

Стекло вышибло, но осколки торчали по всему периметру. Она вдруг увидела у окна Семена, бывшего ухажера, который недавно клялся в любви.

– Помоги! – закричала она.

Семен стоял как вкопанный, не двигаясь с места. Он кряхтел, издавая невнятные звуки и приговаривая: «Что же это? Как же это?»

Он ждал одобрения палачей, призыва к действию, разрешения принять из окна ребенка и попытаться вытащить девушку. Но они стояли как ни в чем не бывало с автоматами наперевес и любовались языками пламени и клубами дыма, который валил из хаты изо всех щелей.

Она просунула укутанного в пеленки ребенка, аккуратно, чтобы не задеть острые стекла, а он все еще стоял в нескольких метрах и держал руки по швам.

Бабушка Маша кашлянула. Инга услышала, как задыхается Мария Савельевна. Нужно было помочь и ей, но прежде сын!

– Держи, подлец! – заорала она на Семена.

Тот вдруг очнулся, зажмурился и протянул руки. Он взял дитя, и в спину никто не стрелял. Он остался жив.

Инга вернулась к бабке. Отыскала в кромешной тьме коляску. Но кровля уже трещала. Она споткнулась и ударилась о край печи. Горящая потолочная балка упала ей на голову. Она погибла, не сумев помочь бабушке.

Дом горел больше получаса, перед тем как каратели обратили внимание, что соседский мужик с ребенком куда-то исчез. Он особо никого и не интересовал, как и отпрыск русского вэдэвэшника. Если хочет – пусть воспитывает чужого ублюдка, «рожденного от оккупанта и вертихвостки», наставившего ему рога!

Семен с ребенком на руках добрал до своего дома, словно пребывая в тумане. Он ничего не сказал людям в камуфляже, что шныряли в его дворе. Один из них только что вышел из курятника с двумя курицами без голов. А из хлева с только что освежеванным молодым поросенком, которого Семен холил и лелеял, выскочил другой громила.

– Кину порося собі в десантний відсік, хлопці поласують, потім тобі спасибі скажуть¹, – бросил один из карателей мимоходом другому, что стоял с двумя обезглавленными птицами.

– А нам тільки курей їсти?² – попытался отвоевать добычу вор из курятника.

– Не скупий! М'ясо різне! Свиню із кяратиною не змішують!³ – успокоил спорщика одним своим взглядом громила с молодой свиньей. Заметив хозяина хаты, он обратился и к нему. – Ти ж не образився, що ми тут погосподарювали без дозволу твого, ти ж патріот, не проти допомогти провізією доблесним ЗСУ?⁴

Семен не ответил, словно воды в рот набрал.

¹ Брошу поросенка себе в десантный отсек, парни полакомятся, потом тебе спасибо скажут (здесь и далее перевод с украинского).

² А нам только кур есть?

³ Не жадничай! Мясо разное! Свинью с курятиной не смешивают!

⁴ Ты ж не обиделся, что мы тут похозяйничали без дозволения твоего, ты ж патриот, не против помочь провизией доблестным ВСУ?

Через час колонна ехала по проселочной дороге в сторону другой, «зачищенной» в результате «харьковского контрнаступа» деревни.

– Гляди, хозяин поросся удавился, – сказал водиле головной машины один из головорезов Призрака.

Колонна не стала останавливаться и проехала мимо самоубийцы. На вековом дубе у дороги болтался Семен. Он удавился, ибо не смог простить самого себя за то, что сделал и чего не сделал.

Грудничок лежал в пеленках и громко визжал. За него кричал Господь, призывая кого то из деревенских забрать младенца, приютить и обогреть его в новой хате. И назвать безымянную кроху, ибо родители не успели.

Он выжил недоношенным, он спасся после пожара и обязательно останется жить теперь. Солнце палило, словно на дворе стоял вовсе не ноябрь. Бог так устроил, вопреки прогнозам погоды от синоптиков, приказав бабьему лету задержаться хоть на чуток. Это чтобы сыночек Инги и русского вэдэвэшника не замерз на траве. Чтобы дождался сирота, чей отец пал смертью храбрых и чья юная мать до последнего вздоха боролась за чужие жизни, когда его подберут и спасут добрые русские люди...

Глава 2

Братья

Рядовой с позывным Слива – subtilный, но жилистый паренек с постоянно взъерошенным рыжим чубом, немного косивший правым глазом – остался на контракте после шести месяцев в рядах «штурмов» из роты «V».

Скорее всего, вы слышаны об этой литере в виде галочки, символизирующей принадлежность подразделения не к самым дисциплинированным войскам.

Да, Слива имел сомнительный, а не почетный послужной список. Являлся он бывшим заключенным, отсидел две трети срока и воевал ныне в составе «Шторма».

Настоящее имя Сливы – Игорь Муромов. Судьба развела его с родным старшим братом – Матвеем. Оба из многодетной и при этом неполной семьи – из взрослых была у братьев-погодков лишь мама.

Уроженцы самой что ни на есть сельской глуши курского Приграничья, родом из деревушки Горналь на пятьдесят семей, раскинувшийся на одном из берегов речки Псел прямо у горы Фагор, в ста метрах от границы с Украиной.

Оба парня стремились сызмальства в город за лучшей долей. Только Матвей, баловень судьбы и мамин любимчик, как считал Игорь, со школы отличался прилежанием и упорством, а Игорек с учителями не ладил и постоянно всех дразнил, кривлялся и прослыл драчуном.

Поделом же, ему, задире – влип в городе в неприятную историю с воровством со взломом и причинением тяжких телесных повреждений, повлекших гибель человека.

За преступление, организованное группой лиц во главе с рецидивистом по предварительному сговору, загремел Игорек по самые «не хочу». Да уж, связался, как говорится, с плохой компанией, по сути, с бандой, и пришлось проходить «университеты» сразу после совершеннолетия на взрослой зоне – загремел он по приговору на семь лет.

Сидельцем Игорь был обремененным работами в швейном цеху и «шестерил» перед блатными, чтобы выжить да не опозориться. С горем пополам не дал он в зоне себя унижить, хоть и ходил постоянно с синяками под глазами, за что и обрел «кликуху», а затем и позывной Слива. Привык просто к «погонялу», вот и не дал волю креативу, когда спросили в роте, какой позывной он себе подыскал...

Словом, когда прибыли рекрутеры из Минобороны, получивший звание рядового Игорь Муромов с радостью подписал документ, чтобы вырваться из одного ада... и попасть тут же в другой.

Ни выхода, ни иной дороги в жизни Слива не разглядел. Перемещался он в пространстве и во времени по наитию, блуждал впотьмах и по-прежнему завидовал родному брату, хоть в глубине души и гордился Матвеем.

...В отличие от него, непутевого, Матвей Муромов добился многого и, главное, сам, без поддержки – закончил элитное военное училище – Рязанское ВДВ, где в том числе готовят офицерские кадры для морской пехоты и был распределен на Черноморский флот. И надо же! На личном фронте тоже, в отличие от него, преуспел.

Шустрец влюбил в себя настоящую «принцессу» – генеральскую дочурку, женился на ней! Ох, и прыга! Пойдет как пить дать вверх по карьерной лестнице. Причем небось без особых напрягов и без риска для жизни!

И вот уж метаморфозы судьбы. Сейчас, на СВО, они, получается, оказались на одном оперативном направлении. Оба здесь, на Курщине, на своей малой родине.

Матвей Муромов, «Филин», прибыл в группировку «Север» в составе своего гвардейского соединения – 810-й бригады орденов маршалов Жукова и Ушакова, вступившей в бой с

украинскими силами прямо с колес. Однако после легкого ранения и кратковременного лечения в офицерском госпитале был откомандирован в ближний тыл. Там он как один из лучших спецов в штурмовых действиях, проявивший себя в дельте Днепра и в Крынках, а также здесь, на Курщине, обучал штурмовиков на войсковом полигоне.

С учетом скрупулезного подхода инструктора штурмовиков к обучению подопечных и отличного знания им премудростей тактической подготовки бойцов сослуживцы, да и командование, прочили Муромову хорошую должность – начальника центра подготовки штурмовых групп и операторов БПЛА. На этой должности Филин был бы на своем месте. Головастый, надо признать! Всегда любил ковыряться в технике. Но загвоздка заключалась в том, что Филин ни в какую не соглашался и все время просился обратно на «передок». К своим морпехам... Так и говорил: «Как же, они там, а я здесь!»

Игорь бы никогда не понял брата. Как можно стремиться в пекло, когда можно «соскочить»?! Ведь у Матвея была теперь возможность каждый день после службы возвращаться домой – в служебную квартиру и «покувыркаться» с молодой женой на двуспальной кровати со свежими простынями.

Сливе же предстояло ближайшие месяцы после окончания подготовки отражать дерзкий заход украинских вояк на Курщину. Будет глядеть на туман, обволакивающей долину реки Сейм, из окопа – в пыли, грязи и вони. Точно так же, как и в предыдущие полгода.

Эта короткая передышка бойца из роты «Шторм V» на полигоне была связана с директивой министра об освоении штурмовиками смежных специальностей. Из обычного пехотинца хотели сделать универсала и обучить азам инженерного дела, а самых смысленных определить в операторы дронов FPV! Без «птичек»-камикадзе и «сбросников» не обойдется теперь ни эта, ни любая будущая война...

Да уж, как тут не позавидуешь брату?! Тот уже все умеет, въедливый и любопытный, как изобретатель, и учит теперь таких, как непутевый и малообразованный Слива, уму-разуму. Верно, кичится своим превосходством, как и в детстве!

Завистники умрут, но зависть – никогда!

Игорьку и хотелось бы испытывать к брату подобострастие и безграничное уважение, искренне радоваться за него и всерьез полагать, что Матвей вполне заслужил свою комфортную жизнь и безоблачные перспективы. Но обуревали Игорем, если честно, несколько иные чувства... Все из-за прежних упреков и пренебрежения братскими узами.

Чурался его Матвей, не признавал и до сих пор винил. И было, конечно, за что...

Когда Игоря судили, мать рыдала в зале судебных заседаний. Наверное, от стыда. Не из жалости же! А Матвей... Тот вообще никак не поддержал, не выразил ни единой эмоции, отвернулся, словно от проклятого, и слова доброго не вымолвил.

Да и не должен был, наверное. Но ждал Игорь. Хоть единого слова от братишки. Хоть взгляда. Не дождался. Да и после СИЗО и этапа ни письма – ни «малявы».

Там, в лагере часто он вспоминал ныне покойную матушку и проклинал себя не раз за то, что так подвел ее. И что не было возможности даже на похороны к ней явиться. Трудно было маме без мужа с ними двоими справляться, а он поступил с ней так же, как отец – просто исчез, растворился в этом бурлящем мире, как сахар в воде, – не видно на глаз.

Надо же, с сахаром себя сравнил! Нет уж, сахар сладость дает, а Слива что? Лишь кислую мину, горечь да заботу. Может, и правильно Матвей его игнорировал! И как ему на глаза брату появиться? Кто он такой? Бывший зэк и нынешний рядовой. А братик вон офицер, старлей при погонах и уже с медалью «За отвагу», «черный берет» с государственной наградой – о нем с уважением все «штурмы» говорят. Те, кто под его руководством подготовку проходил, говорят – спец.

Да, земля круглая. Пути-дорожки родных братьев вновь пересеклись, и все же довелось им пересечься-свидеться! Игорь, прибывший на переподготовку, сразу узнал Матвея. Похва-

стался братве в казарме, мол, под началом брата проведет две недели да в отапливаемом помещении, с батареями, отъестся на казенных харчах с трехразовым питанием! Все ж не в поле и не в лесополке сухпай жрать!

Тренировки штурмовиков проходили интенсивно. Филин носился с каждым, прививая нужные навыки и помогая разобраться в тонкостях минно-взрывного дела, маскировки и ориентирования на местности. Неутомимый черт! Не жалел ни себя, ни прикомандированных.

Сам же Филин после своих изнурительных марш-бросков и минирований отправлялся вовсе не домой – знал бы Слива... Ездил он на служебной «ниве» на опасные участки, недавно «зачищенные» – чтобы исследовать, как все у врага устроено, изучить тактику и хитрости противника. И оборудовать на полигоне все так же, как в реальной боевой обстановке.

За отлучки на передок командование его не ругало, но и не поощряло – закрывало глаза. Фортификацию противника действительно требовалось досконально изучить, а энтузиастов подобного рода среди инструкторов и впрямь не хватало. Этот Филин – штучный экземпляр. Мог ведь спрятаться за юбку генеральской дочки и бить баклуши. Но нет же – активный, как батарея! Не сгорел бы! И не случилось бы что – генерал по головке не погладит.

«Привет, Мэт! – тренировался Слива про себя, представляя, как заговорит с братом после очередного учебно-боевого занятия. – Горжусь тобой! Не держи ты зла на меня! Я сам себя проклял! Вспоминаю маму постоянно. Ненавижу себя, что не смог прибыть на похороны. Знаю, что все хлопоты на твоих плечах были...»

Репетировал, но не сказал ничего из заготовленной речи. Не рискнул. Не понял бы Матвей, не поверил бы в искренность раскаяния. Вряд ли простит и в будущем.

Матвей, конечно же, давно узнал брата, но продолжал игнорировать. Не очень-то и хотелось! Не хочет – ну и не надо!..

И все же закрадывалась мыслишка, практически несбыточная мечта, заоблачная перспектива. А может, доведется здесь, в бою, себя проявить, чтобы заслужить его уважение? Стало быть, пока еще малость нужно повоевать. Чему быть – того не миновать. Особенно если есть желание и цель. А цель – не обязательно мишень...

Глава 3

Полигон

Старший лейтенант Матвей Муромов с позывным Филин был, как всегда, угрюм и сосредоточен. Он немного нервничал, потому что снова стоял перед строем «мобилизантов», прикомандированных и бывших эков.

Он тоже казнил себя, но совсем за другие вещи. За то, что находится здесь, в тылу, а не на передке, со своими братишками, с кем съел «пуд соли» в Крынках и на островах, да и здесь с августа 2024-го побывал с ними не в одном переплете. И еще он винил себя за то, что никак не может вдолбить обучаемым, что мало выполнить боевую задачу, что нужно при этом выжить, дабы выполнить следующую...

– И чего вы построили личный состав? – строго спросил он у сержантов. – Скопление живой силы на радость врагу?

– Так мы ж в тылу? – улыбнулся один из шутников, коих хватает в любом взводе, особенно в составе роты с литерой «V».

– А вы в курсе что есть дроны с радиусом боевого применения более десяти километров, а есть и турбореактивные, которые летят на дальность тысячу километров?

– А ПВО тогда зачем? Всякие там «Панцири» и «Торы»? – не унимался юморист.

– Об оптимальном огневом поражении поговорим отдельно. Цена противоракеты не должна быть больше цены дрона. Это первое. Второе – портативный детектор обнаружения дронов вряд ли будет в ближайшее время у каждого бойца. И третье – многоагентное применение дронов. Что, если на вас идет рой? А за ним еще ракета оперативно-тактическая, прямо следом или одномоментно? Что, если система ПВО перегружена? Так что отставить разговорчики! Разойтись. Первое и второе отделение – в дальнюю траншею! Расширить окопы, замаскироваться сеткой и оборудовать огневые точки на позициях! Заминировать по всему периметру опорник «монками» и противотанковыми минами! Третье отделение, воздушная тревога! А ты, шутник, вырыть стакан отдельно от окопа! Накрыть чугунной крышкой! Времени пятнадцать минут! А Слива роет перпендикулярно стене траншеи и на высоте не менее полутора метров «лисью нору», чтобы осколки разорвавшихся гранат не задели!

– Так ты ж говорил, что он родной брат твой? – поинтересовался шутник у Сливы.

– Так и есть, – подтвердил Слива. – Только не любит он меня и всех, кто рядом со мной оказывается, кто в дружки мне набивается. Так что ты подальше от меня держись. И иди рой себе яму.

– Не каркай, я ж не могилу рою? – обиделся сослуживец.

– Мне почему знать? Из стакана этого все равно ж надо будет вылезти, когда по малой нужде захочется.

– И то верно, – задумался шутник и решил поинтересоваться у старлея, как тогда быть. – Товарищ старший лейтенант, а вот, к примеру, в туалет как в таком узком окопе сходить? Придется же вылезти, и тогда дрон точно поразит.

– «Стакан» использовать при атаке БПЛА. Если приспичит и детектора дронов нет, то под себя. Как услышите команду «Отбой воздушной тревоги», тогда и расслабите булки в ближайшей лесополке. А стакан новый выроешь, если брезгливый. Понятно?!

– Так точно.

– Ну рой тогда, пока не прилетит рой!

Слива рыл, как и шутник. Правда, поглядывал на родного брата, но тот по-прежнему не проявлял никакого интереса. Разве что придирался. Вдруг вспомнилось Игорю, как он опустошил мамину тумбочку, где складировала она свою скудную зарплату и деньги, вырученные

от продажи кур. Эти средства предназначались Матвею, мечтавшему поступить в Рязанское воздушно-десантное военное училище, чтобы облегчить его жизнь «на абитуре». Получается, много чего натворил. И это в довесок. Воровство у близких. По факту – крысятничество...

Ну и как после такого ждать поблажек? Мать мечтала, чтобы один сын стал офицером, а второй хотя бы не покатился вниз по наклонной. Один не подвел, но мама не дожидая до выпускного парадного марша с подбрасыванием монет, не съездила в Рязань, а вот младший сел до ее безвременной кончины.

В учебном классе Филин все же обратил внимание на Сливу, раздраженно заметив, что тот совершенно невнимателен.

– Ну и как передать метку, к примеру, с этого спутникового телефона? Это трофей, «Иридиум 9575 Экстрим». Им пользуется спецназ – силы спецопераций Украины и их ГУР, а также наемники врага. Или ты думаешь, что у них «Азарты» наши? Его-то хоть освоил, в каких диапазонах рабочих частот он работает?

– А мне он к чему? Он все равно только у командира тактической группы будет. Мне вряд ли доверят. – ответил, словно чужому, Слива, оглядываясь на братву.

– А если, не дай боже, командир твоей тройки – двухсотый. То все? Группа без связи? Как обеспечишь эвакуацию или вызовешь подкрепление?

– У меня свой имеется, мобильник... Метку пошлю, – то ли в шутку, то ли всерьез изложил свой план экстренной связи Слива.

– То есть телефон ты с собой носишь не для переписок в мессенджерах? А для определения геолокации? Чтоб враг тебя по GPS засек? Допереписывается, что враг вскроет вашу геолокацию и насыплет из всего, чем только можно насыпать, от мин до гаубичных и реактивных снарядов. Ладно, смотрим все на экран.

Филин продемонстрировал экран трофейного портативного телефона.

– Изучаем меню. Сперва эту строчку. Потом дальше. Вводим телефон контрагента, куда будете отправлять координаты обнаруженной цели. Потом нажимаем сюда. Понятно?

– Да понял я, понял, – солгал Слива брату, чтобы не выглядеть в его глазах дегенератом. – Только нужно же знать телефон этот контрагента этого.

Ну, мой запиши, пригодится.

Это был хороший знак. Может, весь этот спектакль на то и был рассчитан, чтобы дать брату номер телефона? Во всяком случае, вариант так подумать у Сливы был, и эта мысль его обрадовала...

Однако, после того как на следующий день Матвей загонял подразделение до седьмого пота, Слива решил, что погорячился с выводами о том, что брат не прочь с ним пообщаться.

– Замыкающий! – кричал Матвей, контролируя передвижения по траншеям тактических троек сверху. – Замыкающий прикрывает сзади, а не плетется, как гусь в стае! А ты почему не бросил гранату за угол, видишь же, что зигзагообразная траншея?! Куда поперся? Сперва РГД или «ананас», потом боковая стрельба, потом заходит первый...

– Зверь твой брательник, – оценил бывший шутник, которому уже было не до шуток.

– Есть такое... – подтвердил Слива, когда добрался до койки, чтобы уснуть на третьем вздохе от усталости и злости.

Глава 4

Рапорт

– Ангел мой, повлияй на своего Матвея, – попросил генерал-лейтенант Ларин свою дочь Ангелину, приехав к ней на обед. – Ты ведь забеременела? А он все просится на фронт. При чем мне доложили, что его бывшие сокурсники, что сейчас на передке, в удовольствии его там принимают и дают возможность изучать зачищенные лесополки и опорники. Так что он умудряется лезет на рожон! Сбегает на передок с регулярной периодичностью. Ползает в грязи, вынюхивает, как крот роет. Не штурмовик, а археолог какой-то. Дотошный, как судмедэксперт. Может, так и надо. Командиром он будет хорошим, если доживет...

– Папуля, не каркай, пожалуйста... Ты же уже успел узнать. Он другим не будет, он как Серега, такой же. Спаси ты его, – погладила отца по плечу Геля.

Отец посмотрел на погибшего на СВО сына, брата Гели, что смотрел своим юным взором с фотографической рамки, и в горле вновь появился ком.

– Не уберег я Сережу нашего, – вымолвил генерал, но постарался взять себя в руки и объяснил суть происходящего как полагается, четко и без лишних слов. – Благо твой Муромов пишет рапорта по команде, как полагается. В конечном итоге документ оказывается на моем столе. Но проблема вся в том, что пишет он грамотно, так что отказ может быть чреват санкциями. Для меня! Именно для меня. Подставляет фактически твоего отца!

– Папочка, не пускай его туда, – заворковала дочка. – Пусть сидит на своем теплом месте и возвращается каждый день домой! Он тронулся со своей войной? Говорит все время про каких-то дронеров, двойки, тройки... Крыша поехала уже. Тест положительный. У нас ребенок будет! А он живот гладит и приговаривает: «Будущий штурмовик...» Я в армию, если сын будет, ни за что его не отдам! И не суди меня за это. Я брата потеряла, а ты – сына! Научи его расставлять приоритеты!

– Ну, не утихомирить мне Филина твоего с его инициативой. Отбрыкиваюсь исключительно ради тебя. Спец он действительно знатный и уважаемый, у командира части на хорошем счету. Тот и сам его отпускать не хочет. Но каков шельмец. Вот почитай, что пишет в рапорте.

Генерал извлек из портфеля файл с рапортом зятя и протянул дочери.

– Прошу вашего ходатайства перед вышестоящим командованием... – с выражением зачитывал генерал, – об отправке меня на передовые рубежи обороны в Курскую область в связи с обладанием мной профессиональных знаний и военных навыков, которые будут способствовать уменьшению потерь личного состава и в связи с доскональным знанием местности, уроженцем которой я являюсь...

– Видишь, он совсем обнаглел, твой Мэт. Косвенно обвиняет меня, твоего отца, в непрофессионализме и «мясных штурмах». В некомпетентности, понимаешь?! – генерал непроизвольно повысил голос, словно перед ней стоял зять, а не дочка.

– Папочка, тут ничего не сказано о твоей некомпетентности, и рапорт не на твое имя, – не согласилась Геля.

– Нет, родная, это точно камень в мой огород, – поспорил генерал, – И никак иначе. Он троллит меня, твоего отца, ведь знает наверняка, что рапорт окажется на моем столе – все ведь в курсе, чей он зять.

– Продолжай игнорировать его просьбы, папочка! – твердо отрезала дочь.

– Этот упрямец и через голову прыгнет. А я сейчас почти в опале. Все группировки продвигаются на десятки километров, а я топчусь на месте.

– Ты щадишь солдат, папочка! – погладила отца дочь.

– Именно! Но твой старлей так не считает.

- Я с ним поговорю... – пообещала Геля. – Кушай салатик, папа.
- Спасибо, наелся. Правда наелся. Адъютант ждет внизу. Допью кофе и поеду...

Глава 5

Покушение

– Он выходит туда-суда... Кнопка дэржат-нажат, когда второй выдэт суда... – с явным среднеазиатским акцентом показал в сторону подъезда своему напарнику новоиспеченный террорист.

Старшего звали Рашид. Религиозное мировоззрение Рашида недавно окончательно и бесповоротно капитулировало перед возможностью быстрого и «легкого» заработка.

Алчному представителю в целом миролюбивого, гостеприимного и весьма дружелюбного народа перевели на карту Сбербанка двести тысяч рублей аванса, а обещали еще восемьсот тысяч кэшем после выполнения «работы» и предоставления «калэдора». Целый миллион!

В невзрачном грязном пикапе, взятом в аренду на деньги заказчика, сидели двое выходцев из не самой богатой республики Центральной Азии. Они заблаговременно разместили самокат «Яндекс-доставки» с самодельным взрывным устройством большой мощности в фирменном желтом рюкзаке у подъезда дома, куда частенько навевывался генерал Ларин, и прикрутили видеокамеру там, где сказал куратор, чтобы запечатлеть на нее теракт и отправить видео в режиме онлайн в качестве видео-фиксации выполнения задания.

Офицер ГУР МО Украины с позывным Призрак не доверял азиатам, поэтому припарковал свой малоприметный старенький седан неподалеку.

Адъютант, капитан по званию, вышел из служебной «тойоты» с черными номерами, чтобы встретить шефа у подъезда. Ничего тяжелого в руках генерала Игоря Алексеевича Ларина не было, лишь кожаный портфель с документами.

Порученец открыл заднюю дверь, но генерал не успел сесть в салон.

Один из азиатов нажал на кнопку прибора. Сильный осколочно-фугасный взрыв направленного типа отбросил служебный автомобиль на несколько метров, превратив его в искореженную грудку металла. Генерала Ларина разорвало на куски. Порученца ударной волной отбросило от двери, которую он держал, чтобы пропустить генерала. Дверь вышибло в его сторону, и она приземлилась вместе с уже бездыханным адъютантом в десятке метров от входа в здание.

– Ехай туда. Прамо. Дэнги тэпэр забрат... Турция ехат. Отэл брон. – скомандовал Рашид напарнику.

Призрак на своем седане не последовал за исполнителями, у него была совершенно иная функция.

Участь исполнителей теракта была предрешена. Им никто не заплатит. Их не обремененные интеллектом и образованием жизни не стоили остатка гонорара, хоть он и являлся смехотворным. По большому счету, их жизни не стоили ничего, и возиться с ними никто не собирался. Даже убивать их не имело смысла – лишняя морока.

Пусть русские принимают их с распростертыми объятиями и выдавливают показания в поисках «украинского следа». В любом случае российский власти повесят преступление на украинские спецслужбы, что полностью отражало действительность. Так чего прятаться?!

Азиаты как «отработанный материал» не занимали мысли Призрака. Попав в лапы ФСБ, они вмиг расколются и выдадут на гора все, что знают. Однако, знали они только человека с вымышленным ником в «талеграм»-канале, который вел с ними переписку, инструктировал, предоставлял временное жилье, указывал, где арендовать авто и парковаться, прислал метку места «закладки» СВУ («самодельного взрывного устройства») и камеры, а также гарантировал транши. Не густо. Расследование зашло бы в тупик или пошло бы по ложному следу – к примеру, напрямиком в филиал какого-нибудь вилайата Хорасан джихадисткой организации салафитов.

Вот почему, когда азиаты поинтересовались, кто именно их встретит в «калэдоре», им почти не солгали. Новоиспеченным террористам сообщили, что на выезде из города их будет ожидать группа полицейских, якобы переодетых в российскую униформу украинских диверсантов, которые обязательно их переправят в безопасное место, выплатят причитающийся гонорар и отправят в Турцию бизнес-классом.

Реальность впоследствии оказалась намного прозаичнее: на блок-посту их действительно ожидал усиленный наряд полиции, который упаковал азиатов в жесткой форме и препроводил в «телевизор» СИЗО. Там из них сперва выбили всю дурь, потом сняли показания, взяли адреса всех родственников и друзей, явок и мест закладок, чтобы задержать предполагаемых сообщников.

Нетрудно предположить, что ответить за содеянное пожизненным сроком в зоне строгого режима судьбой было предначертано не только этим двум полуолигофренам, но и мало-мальски причастным к теракту и использованным ГУР МО Украины вслепую соучастникам политического убийства на территории Российской Федерации...

...Призрак был в форме российского военнослужащего с поддельными документами на имя день назад взятого в плен российского спецназовца. Данные о том, что русский военный пропал без вести, еще не успели поступить в ППД – пункт постоянной дислокации части. Так что новые документы быстро изготовили, оставив имя, но поставив гербовую печать в свежесделанном удостоверении личности на новой фотокарточке.

После фиксированного контроля подрыва, который был необходим ГУРу для «пруфа» – отчетности перед кураторами из Ми-6, Призрак должен был убедиться в успехе ликвидации и в случае чего добить генерала, сделав контрольный выстрел.

Как спеца в вопросах асимметричной войны Призрака наделили правом принимать автономные решения и даже менять алгоритм проведения операции в экстраординарных случаях. Если что-то пошло не по плану, Призрак самостоятельно должен был определять способы достижения поставленной цели и выполнить задачу во что бы то ни стало, не считаясь с «сопутствующими жертвами» среди гражданских.

Деньги, выделявшиеся транш за траншем на асимметричную войну с русскими, были основной долей финансирования структуры. Но спецслужба превратилась в не подконтрольный никому орган, который мог вести самостоятельную игру, ссылаясь на дублирование надзорных функций со стороны различных разведок мира, естественно, в ущерб «просроченному» президенту. Тот хоть и мнил себя узурпатором, но управлял лишь в пределах бункера.

Ну а автономность спецслужбы или тактического соединения в сформированной по бригадному принципу ВСУ в обстоятельствах хаоса всегда чревата выходом из под контроля и побочными заработками, включая мародерство, отжим капиталов, рейдерство и разборки в интересах частных заказчиков.

Агония киевского режима с каждым днем становилась все очевиднее. Хапнуть напоследок, чтобы обеспечить себе запасной аэродром после краха на поле боя, хотели многие – от сотрудников ТЦК, территориальных центров комплектования, которых окрестили «людоловами», до медиков, выдающих липовые справки по инвалидности, от проводников на границе, куда стекались дезертиры, до командиров бригад, которые умудрялись обогащаться за счет «мертвых душ».

Командиры получали зарплаты числящихся в штате бойцов. Их не записывали в пропавшие без вести после бегства с передовой или сдачи в плен. Делали учет «пятисотых», пленных и погибших намного позднее, тянули зачастую месяцами, чтобы зарплаты исчезнувших капали в карманы военачальников.

Конечно, комплект был чреват самыми ужасными последствиями. Приказ идти в бой от главкома Сырского на отдельных оперативных направлениях некому было выполнять. По документам в штабе главкома могла числиться боеспособная и укомплектованная бригада, а

в реальности в ней могло оставаться не больше полка, да и то – демотивированного и сломленного отсутствием ротации и достойного провианта. В батальоне в наличии могло быть не больше взвода, а в роте – не больше отделения.

Все катилось к чертям! Включая государственность Незалежной. И помощь Запада, на которую уповал нелегитимный Зеленский, становилась все более запоздалой и иллюзорной.

Что до спецслужб, то СБУ, «служба безпеки України», периодически устраивающая показательные порки и конфискации у коррупционеров, курировала наркосбыт «солей», с чем осмелились поспорить в ГУРе, – наиболее эффективной в террористической войне конторе.

На «соли» родной брат Призрака майор ГУР Степан Вакарский, позывной «Львов», и его поделщики не претендовали, а вот нажиться на трафике чистейшего кокаина, фентанила и героина благодаря компаньону из Мексики по прозвищу Эль Ратон, по-русски Мышь, никто бы не отказался. Особенно когда мексиканцам дали карт-бланш на Украине в самом ЦРУ.

Авторитет военной разведки в глазах обывателей рос благодаря тому, что «перемоги» на фронте закончились, «курская авантюра» все более походила на самоубийство, а вот атаки надводных дронов типа «Магура» и различных типов БПЛА, политические убийства в стане «врага» и диверсионные рейды в ближний тыл словно доказывали утратившим доверие в мощь «бандеровской армии», что все не так плохо и не все еще потеряно...

Без исторической ретроспективы трудно понять мотивацию героев. Она необходима, но вернемся к повествованию основной фабулы.

...Призраку нужно было удостовериться в успехе покушения. Короткое видео теракта уже появилось на аффилированных с военной разведкой Украины пабликах и «завирусилось» по Сети. Подобные видео являлись частью информационно-психологической войны. Поступая в агрегатор ГУР, формирующий видеоотчеты диверсий на инфраструктурных объектах, убийств «коллаборантов» и «предателей», русских идеологов и пропагандистов, они мгновенно распространялись, в том числе центрами ИПСО (информационно-психологических операций) НАТО, базирующиеся в Прибалтике и Польше.

Это делалось с тремя целями: взбодрить унывающих от отсутствия «перемог» националистов, раскачать ситуацию внутри России, и воздействовать на страны постсоветского пространства, которые так и не открыли «второй фронт» против русских...

Итак, Призрак отметил для себя, что все прошло успешно. Исполнители после ликвидации «объекта» отчалили на авто, который использовали для проведения операции.

Передвигались они по городу без правил и вряд ли были способны засечь хвост или соблюдать элементарные меры предосторожности – хотя бы сменить авто! Но это было на руку гуровцу. Пока есть явный объект для преследования, у него будет время ублажить свое любопытство – генерал выходил с каким-то портфелем...

Не приученные критически мыслить, а значит, чувствовать «разводку», неподготовленные исполнители невольно обеспечили Призрака лишней парой минут.

... Чувство опасности и тревоги не вытеснило в них эйфорию. Взрыв был мощным и всесокрушающим, как фейерверк. Исполнители, следуя деталям инструктажа от «тэлэграм»-куратора, должны были выехать из города через блок-пост в направлении «калэдора», там получить остаток гонорара, а потом оказаться в Турции в шикарном отеле на берегу Эгейского моря и тратить деньги на вкусный люля, кушать салат табули и запивать все это зеленым чаем с фисташками, миндалем, рахат-лукумом и пахлавой. А потом расслабиться, поместив под язык насвай, и развлечься с проститутками.

Когда они увидели на дороге полицейских с автоматами, которые потребовали остановиться, Рашид успокоил заволновавшегося поделщика.

– Калэдор! Это свой.

Свои оказались для них чужими. Словом, Аллах с ними. Пребывание в этом мире в состоянии дегенератов не оправдывает злодеев. Каждый получает по заслугам. Словом, Аллах с ними... Слишком много чести и абзацев для жизнеописания тех, кто живет впотьмах.

Для Призрака все шло как по маслу. Однако, выйдя из авто, удостоверившись, что генерал уничтожен, и подняв его обгоревший, но защитивший содержимое портфель, он увидел постороннюю.

Появление на месте теракта красивой девушки, которая, невзирая на выбитые стекла во всем доме, вылетевшую парадную дверь и сгоревшую в один миг от детонации бензобака машину, выбежала из подъезда и явно искала тело погибшего генерала в эпицентре состоявшейся расправы, удивило Призрака. К тому же она была красива.

Растрепанные волосы блондинки, ее паническое настроение и крики о помощи прибавили адреналина. Ну конечно, это была дочь «высокопоставленной мишени». Призрак сориентировался мгновенно.

В лабиринтах его извращенного садистскими наклонностями подсознания промелькнуло устойчивое воспоминание наиболее приятных моментов жизни, в коих сексуальное удовольствие перемежалось с неограниченной психологической властью над жертвой.

Унижение и страх в глазах красавицы – что может быть притягательнее и вожаденнее для садиста?! Он вдруг представил, что генеральская дочка могла бы исполнить для него роль той деревенской дуры, что поверила ему на слово о том, что ее «использованная дырка» равнозначна «праведному суду над врагом».

Призрак принял решение. Девушка потеряла сознания после профессионального удара ладонью в область шеи. Далее – дело техники. Опытный диверсант поместил Ангелину Ларину в багажник своего невзрачного седана и убыл в неизвестном направлении...

Он столкнулся с проблемой на трассе только раз, когда его остановил патруль и попросил предоставить документы.

Внимательно осмотрев удостоверение, изготовленное ГУР МО Украины, и не найдя ничего подозрительного, росгвардейцы все же поинтересовались, имеется ли у офицера предписание – форма. А еще вежливо задали вопрос, почему он следует в сторону ЛБС – линии боевого соприкосновения – без тактического опознавательного знака.

– Может, еще пароль сказать? – наобум огрызнулся Призрак, не выдавая волнения и играя дерзость, чтобы не вызвать подозрений. Однако эта парочка патрульных себе на погибель оказалась слишком въедливой и добросовестной к выполнению своих обязанностей.

– Выйдите из машины. – попросил автоматчик. – Откройте, пожалуйста, багажное отделение.

После этого вопроса Призрак вышел из салона, резко достал нож и, сделав короткий взмах, чиркнул по шее патрульного. Затем он нанес росгвардейцу контрольный удар в область сердца. Прикрываясь телом убитого, Призрак шустро вынул из скрытой кобуры свой Glock-19 с укороченной рукояткой и сразил не успевшего среагировать второго патрульного двумя выстрелами.

Перед тем как сесть за руль, Призрак «законтролил» напарников выстрелами в голову. Он ехал, испытывая чувство превосходства. Когда в небе появился коптер, Призрак не испугался и не предпринял никаких действий – это свои «вели» по «маячку». Украинский разведывательный дрон «Лелека» парил в небе. Брат заждался...

Глава 6

Червяк

Безумный, Эль Лока, глава картеля «Лос-Сетас» отрядил сына в страну, управляемую извне. Местные военные являлись там всего лишь прокси-силами гринго против России.

Инструктируя своего Родриго, Эль Ратона, Безумный четко обозначил его статус: он не подчиняется никому и лишь делает вид, что работает на ЦРУ. Местные главари для него не указ. Они обязаны выполнять все его просьбы, воспринимая их как приказы. И не только те, что касаются поставок снарядов и оружия для ВСУ, но и те, что сделают картель еще богаче. Коррупция в этой уже несуществующей стране позволяла подкупать спецслужбы целыми подразделениями. Это было на руку Эль Ратону, Мыши.

ГУР МО приставил к нему куратора, майора Степана Вакарского с позывным Львов, который быстро вошел во вкус и смекнул, что Эль Ратон – вовсе не обслуга ребят из Лэнгли, что строчат в далеком округе Фэрфокс в штате Виргиния пространные отчеты об абсолютном контроле над сыном Эль Локи.

У наркобарона имелись свои планы на Украину, а главное – на Европу, и он не согласовывал их с Вашингтоном, как это делали все просроченные функционеры агонизирующего режима. На английскую разведку мексиканцу и вовсе было наплевать.

Латиноамериканские татуированные головорезы, коими верховодил Эль Ратон, осуществляли конвой тайных оружейных поставок, используя для этого либо замаскированный крупногабаритный транспорт, либо легкомоторные самолеты – излюбленный способ наркотрафикантов.

В самолетах американского производства, в свое время массово закупленных чехами и поляками, у латиносов недостатка не было. Они быстро обзавелись воздушным флотом «Сессна», фурами-холодильниками и кучей пикапов, не говоря уже о легких бронетранспортерах «Козак», выделенных им Иностранным легионом.

В штурмовых и оборонительных действиях люди Эль Ратона участия не принимали, подчеркивая свою обособленность и неподконтрольность украинскому командованию. Напротив, вскоре они стали диктовать куратору, что и как нужно делать, где им удобнее базироваться и чем необходимо обеспечить.

Мышь требовал, естественно, не безвозмездно, от Вакарского не только предоставления транспортных коридоров, но и карты минных полей.

Польские диспетчера в Жешуве и Люблине по прямому распоряжению из американской базы имени Тадеуша Костюшко в Познани оповещали наземные службы, пункты наведения авиации и мобильные комплексы ПВО, когда в небо поднималась зафрахтованная или выкупленная Эль Ратоном «Сессна».

За содействие Мышь позволял зарабатывать своему подельнику из ГУР МО Украины. Можно было сорвать куш напоследок и обеспечить себе безбедное будущее, в той же Мексике, хотя нет, лучше в курортной Доминикане на берегу Атлантики или Карибского моря, на каком-нибудь бунгало на берегу живописного острова Саона...

Война была проиграна, и квази-государство трещало по швам. Вакарский как никто это понимал. Он отдавал себе отчет о бесперспективности сопротивления и действовал исключительно из собственных интересов. Как и Эль Ратон.

Поляки обеспечивали маршруты через свою аэродромную и железнодорожную инфраструктуру, а «Львову» лишь нужно было исправно поставлять Эль Ратону останки. Трупы поляков! Этим гонимых и потому никчемных союзников! Поляки ничего не стоили. Вакарский

легко ими жертвовал. Их среди наемников присутствовало на поле боя больше всех. Поляков никто не считал. На них всем, кроме варшавских газет и их родных, было наплевать.

Однако и записывать их в «пропавшие без вести», как это делали с украинскими военными с очевидной утилитарной целью – сэкономить на компенсационных выплатах родным, никто не собирался.

Поляки нужны были мертвыми и относительно целыми. Поэтому в них стреляли аккуратно, в основном в живот и в спину, чтобы разрывная пуля не повредила череп и «двухсотого» легко было опознать, сверив по любому из наличествующих польских документов.

Эль Ратон в глазах польских матерей и жен, получавших из проклятой Украины цинковые гробы, приобрел реноме сострадательного представителя «Иностранного легиона», который не просто доставляет весть о горе, но и организывает похороны, компенсируя расходы даже на поминки.

Родственники погибших искателей славы и гонораров солдат удачи не могли и предположить, что для Мыши их мужья, отцы и сыновья – всего лишь удобный контейнер для перевозки дорогостоящего груза. Покойник «фаршировался» после вскрытия минимум десятью килограммами «льда» или «снега» в скотче, в «жирдяя» могло влезть и двадцать кило. Затем «контейнер» зашивался степлером на скорую руку. После опорожнения в подпольном морге на территории польского Трехградья и сшивался уже подпольным хирургом. С портов Поморского воеводства наркотики шли в германскую Померанию, а из нее в Гамбург, откуда распространялись уже по всей Европе.

В те дни, когда на Курщине шли наиболее ожесточенные бои, «Сессны» и грузовики отправлялись чаще всего. Бизнес масштабировался с каждым месяцем. Деньги текли рекой.

Доставлялись, конечно, и снаряды! От Марка Моралеса, оружейного барона, тесно взаимодействующего как с картелем, так и с ЦРУ. Иначе бы дельцы из Лэнгли не смогли нажиться, ведь они торговали снарядами втридорога. И тогда они бы потребовали свою долю от наркотрафика. С гринго Эль Ратон делиться не хотел. Отец бы не позволил.

Перед отправкой сына на Украину он так и сказал:

– Я отрекись от тебя если ты станешь платить гринго. Трамп закрыл глаза на Украину и отдал Европу.

– Кому, отец? – спросил тогда Родриго.

– Нам, – ответил отец, – он отдал ее нам. Это компенсация за Техас, сынок.

... Часть ящиков со снарядами была маркирована специальным знаком – двусторонней косой Сана Муэрто, напоминающей букву Z. Кокаин, героин, метамфетамины, фентанил из мексиканских нарколабораторий помещались прямо в гильзы вместо пороха... Если бы плотно набитые наркотой пакеты и цилиндрические скрутки извлекались из боеприпасов в польских аэродромах, то пришлось бы объясняться с польскими силовиками. А это еще один рот!

А вот когда «фасовочные станции» заработали на Украине, хватало сопровождения местной спецслужбы и «чистого неба», которое обеспечивали гринго и их польские сателлиты.

Трупы никто не потрошил, никто, кроме Эль Ратона. А клюв Вакарского был нужного размера и мало походил на пеликаний. Украинцы довольствовались крохами, во всяком случае пока. Мышь недолюбливал прихвостней, как и его отец, но пока миром правит жадность – легко договариваться с коробейниками.

Вакарский действительно имел скромные по меркам Эль Ратона аппетиты и не лез не в свои дела, спрашивал по-военному мало и четко выполнял поручения. На испанском он не говорил, в отличие от его младшего брата, но того Эль Ратон видел редко, поэтому обзавелся переводчицей. Хотя переводчица по имени Олеся, обслуживающая Мышь, переводила весьма своеобразно.

После каждой сделки Эль Ратон гулял в ночных клубах Киева, которые функционировали, невзирая на войну и воздушные тревоги. Киев, Одессу и другие крупные города,

в отличие от периферии, прикрывал зонтик ПВО, поэтому здесь наслаждались развратом и пьянством ежедневно. Не все, конечно, а только те, кто наживался на войне и людском несчастье – генералы, сотрудники СБУ, спецы из ГУРа, чиновники из офиса президента Зеленского, «людоловы» из территориальных центров комплектования и коррумпированные медики, предоставляющие справки от инвалидности дезертирам и «пятисотым».

...Третью рюмку мексиканского мескаля Мышь закусил червяком. Он проглотил его демонстративно, глядя прямо в глаза сопровождающему его куратору от ГУР, словно именно его он и съел. Затем Эль Ратон огляделся вокруг. В клубе, открывающем свои двери по рекомендации, в отеле на Крещатике, было не протолкнуться. Девушек в коротких юбках и на высоких каблуках было больше сотни.

Эль Ратон высыпал на стеклянный стол целую унцию кокаина и попросил переводчицу разбить кучку на дорожки его пластиковой картой. Она с удовольствием и быстро выполнила поручение, улыбнулась стройным рядом своих белых зубов, захлопав накладными ресницами.

Он предложил втянуть «дорожку» Львову, но тот деликатно отказался, всем своим видом показав, что не возражает, если гость сам расслабится по полной. Эль Ратон предложил переместить грамм кокаина в нос своей переводчице, что она без уговоров и сделала, не забыв осушить после втягивания наркотика рюмку мескаля.

Эль Ратон был весел – партия наштигованных наркотой трупов благополучно пересекла границу и уже фасовалась в Троеградье для европейских столиц. Шенген – прекрасная возможность не растерять товар по пути. Украинские подельники с удовольствием разделялись с поляками, подозревая их в тайном умысле лишить государственности после утилизации ВСУ. Мышь не до конца понимал, как можно лишить государственности тех, кто и так управлялся извне.

Эль Ратон немного подвигал тазом в такт поставленного в честь латиноамериканских союзников Украины трека в стиле «реггетон».

– Нравится? Буэно? – спросил предельно вежливый и показательно угодливый офицер ГУР, обращаясь к Мыши.

– Está bien, pero esto es gar purtorriqueño, – ответил Эль Ратон.

– Он говорит, что это пуэрториканская музыка. – перевела Олеся, не забывая тереться о клиента мягкими частями своего шикарного тела.

Эль Ратон, разгоряченный спиртным, наркотиком и реггетоном, позволил себе политический спич, который рассудительная в вопросах субординации переводчица предусмотрительно перевела не полностью.

В вопросах подчинения она полагалась на интуицию и посчитала: раз за все платит иностранец, то он и есть главный. Во всяком случае, «гуровец» перед ним выстилался, как клерк перед топ-менеджером. И чем больше она будет рядом с мексиканским гангстером, тем больше наживется перед тем, как отчалит в Скандинавию или в Париж.

– Estás perdiendo a tus mujeres. Huyen a Europa. Y tu Zelensky es el proxeneta más extendido. El país está sumido en el caos, al igual que México. Fue creado por los gringos para quitarte el poder y a tus mujeres. No deberías regalar a tus mujeres. Aunque eres débil. Entonces los llevaremos. Para que no los pillen los gringos⁵, – выпалил Эль Ратон, обхватив Олесю за талию и приподняв юбку.

– Что он сказал? – поинтересовался майор.

– Сделал комплимент украинским женщинам. Говорит, что украинские мужчины не ценят то, что имеют, что мы самые красивые, а Зеленский смог показать это всему миру...

⁵ Вы теряете своих женщин. Они убегают в Европу. А ваш Зеленский – самый массовый сутенер. В стране хаос, как и в Мексике. Его устроили гринго, чтобы лишить вас власти и ваших женщин. Вы не должны отдавать ваших женщин. Хотя вы слабы. Поэтому их заберем мы. Чтобы они не доставались гринго (*перевод с испанского*).

Эль Ратон, не стесняясь, обнял Олесю. Она не противилась. Девушка при этом смотрела на Вакарского томным взглядом. Ее улыбка показалась майору насмешливой. Поэтому он отвернулся с единственным желанием провалиться сквозь землю, чтобы не видеть этого позора.

Вакарский сделал вывод, что мексиканцы, да и вообще латиносы – животные, с которыми временно приходится иметь дело. Так же временно как с поляками, которые строили из себя друзей ровно до тех пор, пока им это было выгодно. Ну ничего, поляки уже получают свое, в том числе и его усилиями. Потерпит он и этого мексикашку, возомнившего себя королем, – каждый продает Украину как может, и кто-то при этом имеет реноме ярого патриота, а к кому-то прилепили ярлык «зрадника». При всем при том, что делали они одно и то же, как и он сейчас, – обогачались.

Хорошо, что Призрака здесь нет, а то бы был конфуз. Братишка бы не понял, что он старается ради них обоих...

Глава 7

Призрак

...Проверяющий прибыл на отбитую штурмами из роты «V» позицию украинских военных с неожиданной инспекцией. Он нырнул в окоп к штурмовикам из бывших зэков, которыми командовал подписавший контракт с миноброна Глобус, временный босс, как говорят штабисты и кураторы направления – ВРИО.

Самого Глобуса, получившего контузию, было не видно не слышно уже две недели. Он «чалился» в госпитале после эвакуации. Вот потому-то бойцы, включая Сливу, вернувшегося с переподготовки в часть, и расслабились.

Глобус умел держать всех в тонусе и одновременно не переходить грань, выказывая «честному люду» уважение. Особенно за хорошую работу.

Залетный со смазливой и надменным лицом был нагл не по годам. Видать, пришел заставить выполнить поставленную давеча задачу. А ночью зэки из роты «V» получили приказ во что бы то ни стало продвинуться дальше, к руинам и затем к элеватору. А на отбитой у врага позиции, вот на этом самом месте, с минуты на минуту должна была появиться группа закрепления – наемники из Шри-Ланки.

Кто-то до сих пор не видел на Куршине северокорейцев. А вот штурма из «роты V» и морпехи повидали не только эту экзотику, наблюдали и хуситов. Не одним же сербам воевать на стороне России! Хотя что, у нас своих якутов и бурятов не хватит, чтобы перебить нациков и восстановить великую державу? Народ сплочен как никогда и почуял победу, хоть и неблизок да тернист до нее путь! Русский ныне – это тот, кто за Отечество, а не тот, кто по паспорту.

Отсюда и интернациональный состав воинских частей.

Экзотики на фронте много развелось, война приобретала поистине международный масштаб. Мобресурс Украины так вообще таял – некомплект пополняли за рубежом. Платили как живыми деньгами, так и обещаниями... А не платить ныне, в рыночное время, не выйдет ни у одной из сторон.

Так что экзотику в виде островитян из Шри-Ланки не в особо товарных количествах, но все же мы еще все обязательно увидим. Недоумение непосвященных по этому поводу непонятно! Это почему хохлам в иностранный легион позволено нанимать колумбийцев, а нам с северокорейцами дружить воспрещается? Нет уж, братцы, война тут международная! К тому же и северокорейцев, и островитян будут щадить и вряд ли отправят на зачистки – дадут возможность освоить азы новой войны с дронами и РЭБ и с «дрэдами» да «мангалами» на броне.

...Пока «штабной» шел по зигзагам прорытого «хохлами» туннеля, он успел оттолкнуть подвернувшегося курильщика «травки» с кликухой Малява и с позывным Канабис, да так, что тот ее рассыпал и обматерил полусшепотом проклятого «ревизора».

– Почему остановились? – требовательно произнес офицер статного вида, вылитый Ван Дамм. С таким же томным взглядом, белозубый, как голливудская звезда. На вид – не больше тридцати, но наглый на все сорок пять, в шлеме-кевларе.

Смотрел он исподлобья своими голубыми глазами, правда, неясно на кого. Слива вдруг обратил внимание, что тактической изолентой красного цвета проверяющий обмотал две руки, как у всех, и правую ногу вместо левой. Но сперва не придал этому значения.

Визитер вроде бы обращался ко всей скопившейся в только что отбитом у врага блиндаже братии. В конце вопроса он пренебрежительно сплюнул через плечо, словно поставил знак препинания.

– А ты кто есть такой, мил человек, гражданин хороший, у нас вроде Глобус в начальниках числится, а не ты. Мы тебя раньше не видали тут. Чего расхаркался в чужом блиндаже?

Для кого то он – хата, пусть и временная. Что за кипеж мимо кассы? – ответил за всех странной речью с явной «предъявой» косоглазый с позывным Бублик, не самый авторитетный в группе, зато самый разговорчивый.

– Я курирую это направление от группировки. Подразделение Глобуса мне придано.

– То бишь ты хочешь сказать, что мы – это приданое твое? Я на такое не подписывался! – пошутил Бублик, вызвав смех у Сливы, да и у всей штурмовой группы. – Мы свое дело сделали. Бандерлогов покровили. Вот «двести» все. Сам видишь.

– Вам нужно идти дальше, до окраин поселка и к элеватору. Руины на пригорке! – не отставал нарисовавшийся командир.

– Где ты видишь руины? – не сдавался «косоглазый», – Там наши «артой» все с землей сравнивали. А хохол все заминировал противопехотными ОЗМ. Да и «птичка-лелека», видишь, висит и нас срисовывает. Пересидим до ночи, провизии дождемся, перекурим, а там поглядим. Нам с братвой спешить некуда. Дождемся, чего Глобус брякнет, обсудим с пацанами, а потом двинем, лишь бы не копыта!

Штурмовики снова засмеялись, но тут же напряглись, увидев как побагровел «залетный» и как его глаза едва не выкатились из орбит.

– Слушай сюда, урки недоделанные! – заорал офицер. – Приказ такой – вперед на пригорок, и зарыться там как кроты до дальнейших распоряжений командования. А «радейка» у вас в наличии, чтобы связь держать, а не гвозди забивать, отвечать на запросы – обязанность командира штурмовой группы. Кто старшим назначен?

– Наконец по понятиям заговорил. Старшего шукаешь. Мы-то субординацию соблюдаем, старший у нас выборный, в отличие от вас. Глобус. Вот его мы по радейке не слышали. А чужой голос был какой-то. Чай, твой, противный... – резюмировал другой бывший зэк, седовласый, лет пятидесяти, и все притихли, потому что Хрипач редко подавал звук.

– Почему молчите, когда вас вызывают по рации? – достал не унимающийся визитер.

– Ну не для того, чтоб тебя увидеть, – парировал Хрипач. – В прошлый раз штурмов хохол накрыл и рации наши затрофеил. И по ним вторую группу засек, а потом в плен взял и снайпера Джамала на ремни порезал. А потом нам прислал с его же телефона, как он героически подох. Вот потому и режим радиомолчания соблюдаем во время штурмовых действий. Так нам сам Глоб велел. Глобус то бишь.

– Это поэтому вы с телефонами все и в Телеграме переписываетесь? – заметил «ревизор», показав на Сливу, который открыто сидел с телефоном, ведя себя отстраненно и отгоняя от себя инициативу спросить про тактическую изоленту не на той ноге.

– Слушай, канал бы ты отсюда подобра-поздорову, – угрожающе буркнул Хрипач, – Мы без тебя разберемся, что нам дальше делать и куда пилить.

– Без меня не разберетесь... – прошипел офицер, – А ну-ка марш на озвученную позицию. А то под трибунал пойдете все скопом. Или по законам военного времени я вас прямо сейчас расстреляю за невыполнение приказа!

Ствол ПМ с глушителем смотрел на Хрипача. Попробуй тут не подчиниться.

– Бублик, слышал приказ?! – сдался Хрипач под дулом, но продолжил с сарказмом: – А ну, айда на верную гибель. У нас только Бублик через растяжки, как легкоатлет через барьеры, прыгает и от FPV-шек, как Тайсон, уклоняется. Давай в темпе вальса, кенгуренком туда, к пригорку.

– В натуре, что ли, Хрип? – не понял Бублик, – Ты чо, повелся на беспредел фраера этого залетного? А может, он того – тот самый, о котором Глоб говорил. Призрак... Может, документики у него проверим?

– Твое дело, Бублик, выполнять. А то дыркой станешь, – буркнул Хрипач, и Бублик нехотя выполз из окопа.

– Остальные, – зарычал «залетный».

– Все! Все за Бубликом! – командовал Хрипач. – А то завалю! И ты, Слива! Чего уставился, выползай!

– Так это! – вдруг опомнился Слива, когда сопоставил «базар», зашедший за предполагаемого украинского диверсанта, эдакую знаменитость, доставившую столько хлопот на передке, и неправильную обмотку красным скотчем. – Нога не та!

– Выползай давай, нога не та... – передразнил напоследок Хрипач.

Делать было нечего. Поздно Слива спохватился – в окопе уже никого не было. Да и Хрипач в живой кондиции там остался ненадолго...

– Ну вот и славно, молодец, – похвалил офицер бывшего зэка и всадил в него две пули. Оказавшихся на пустыре штурмовиков накрыли дроны-камикадзе и сбросники. Любитель анаши Канабис, самый медленный и выползший из окопа перед Сливой, попытался было назад, но «ревизор» его встретил и перерезал горло финкой с изображением тризуба на перламутровой рукояти.

Слива был замыкающим и все видел, но вылазка завершилась для него пленом.

– Ты тут самый внимательный. Век живи – век учись. Скотчем я и впрямь не ту ногу перемотал. Морпехи ваши бы в миг меня задвухсотили. А с вами проскочил. – Призрак стоял над лежащим Сливой и пару секунд думал, что с ним сделать, а потом вдруг изрек: – Пополнишь обменный фонд.

Когда мнимый проверяющий привез пленного в деревушку у границы с Украиной, Слива узнал свою малую родину. Когда б еще оказался дома, если б ни война... Превратности судьбы. Быть в плену и дома одновременно – не каждый сподобится. Вот она – гора Фагор, вот кладбище, где похоронена матушка, а вот церквушка, превращенная в какой-то секретный склад.

Тут, в крипте, и располагался каземат для пленников, которых задействовали для разгрузочно-погрузочных работ какие-то смуглые парни с татухами, говорящие на испанском. Слива уже ничего не понимал, но на фронте столько теперь экзотики, что никто ничему не удивлялся.

Глава 8

Адреналин

...За мониторами в штабном пункте управления 82-й десантно-штурмовой бригады ВСУ, участвующей в «Курской авантюре» на первых ролях, за всем происходящим наблюдали не только штатные операторы БПЛА, но и куратор от ГУР МО Украины майор Степан Вакарский с позывным Львов.

Именно он дал знак, что время настало и можно предаться эмоциям и ликовать. Все хором завизжали: «Ура! Bravo! Слава Украине! Героям слава!» и заплодировали дерзости и смекалке военного разведчика-диверсанта, уже не впервой провернувшего подобную операцию с русскими штурмовиками.

Мало кто из присутствующих знал, что неуязвимый «гуровец» с позывным Призрак приходился Вакарскому родным младшим братом.

Степан переживал за исход этого неравного поединка с русскими больше всех присутствующих. Он хоть и верил в своего Андрейку, однако не раз говорил ему, что тот слишком самоуверен. И однажды что-то может пойти не так. Однако упрямец всегда лез на рожон, в самое пекло, и каждый раз выходил сухим из воды. Словно заговоренный.

И сейчас все получилось как нельзя лучше. Блиндаж «опорника» с разветвленным «лабиринтом» траншей был отбит снова, и скоро там вновь оказались бойцы 82-й десантно-штурмовой бригады ВСУ, которых на Курщине изрядно покровсали, да что там – буквально стерли... Но нужно было держать плацдарм во что бы то ни стало.

После инаугурации Дональда Трампа, вступившего в свою вторую каденцию в качестве президента США, был шанс использовать захваченные территории как разменную монету. Во всяком случае, на это рассчитывали в Киеве, хоть курский плацдарм и скукоживался словно бальзаковская шагреновая кожа, забирая жизни лучших бойцов ВСУ.

Невозвратные потери уже составляли более шестидесяти тысяч военных, но украинское командование закрывало глаза на жизни «мобресурса», хоть на фронте, да и в тылу, все выглядело делом сущим адом и грозило неминуемой катастрофой.

Но пока выстроенные в ряд костяшки домино не посыпались одна за другой, вэсэушники тешили себя иллюзиями и радовались локальным «перемогам».

Степан дождался брата, накрыв стол с 12-летним виски «Маккалан», конфискованным в Судже у какого-то местного коммерсанта, коего для острастки других расстреляли на глазах у родственников. Незамысловатые «аутентичные» бутерброды с салом и тарелка соленьев, изъятых из погреба деревенского попа, дополняли трапезу.

– Как тебе удастся сохранять спокойствие и не вызывать подозрения у «орков», братишка? – спросил старший Вакарский брата после того, как обнял того после возвращения.

– Они такие же, как мы. Я не играю. Я верю, что я – это они. И у меня есть драйв, в отличие от них. Они не хотят убивать, иначе бы разбомбили в хлам наши города. А мне до лампочки, сколько погибнет орков вне зависимости от пола и возраста. Они все враги. Мне их не жалко.

– А коль не жалко, чего тогда приволок этого, как там его, с позывным Слива, будь он неладен? Что толку с него, бывший ведь зек.

– Смекалистый, по бдительности ему пять баллов! Вычислил меня, но не успел разоблачить, – признался Андрей Вакарский.

– Ну он же не специально тебе подыграл, просто не успел сдать! Это что, теперь индульгенция за нерасторопность дается? На кой мне этот недотепа? Для обменного фонда невелика птица. Ладно, я его Эль Ратону отправлю, тому грузчики для товара понадобились – поставки

растут. И уборщики пригодятся в церквушке той у горы, а то этот мексиканец ее в смрадное место превратил и даже над Христом надругался.

– Неудивительно. Хотя эти московские попы хуже дьявола. Поэтому поделом их храмам, сгодились для общего дела. Ты же общие делишки завел в этой Мышью, Эль Ратон, мать его! Как ведет себя твой мексиканский партнер? Использует тебя по самые гланды?

– Пусть так и думает, на самом деле он – наш билет в рай. Мы разбогатеем, Андрюха. Баснословно! Понимаешь? Он отстегивает за все, за любую помощь. Даже за разрешение использовать этот приход заплатил.

– Хитер. Знает, что русские по церкви не долбанут, – ухмыльнулся Призрак.

– А мы не такие? В Суджу когда зашли, не по той же причине эвакуацию мирных запретили? – напомнил Львов.

– Мы платим кровью, и у нас ее меньше, чем у врага. Ему ее не жалко, а мы должны себя беречь любыми способами, тем более наверху они ничего, кроме как мясом закидывать, не могут. То ли дело «харьковский поход». Но, похоже, мы не воспользовались успехом и не продлили его эффект, а могли бы. Самоуспокоились... А они перегруппировались, перевооружились и теперь щемят со всех сторон.

– Несопоставимы силенки, брат, – тяжело вздохнул старший Вакарский.

– Эй, давай без уныния. Бесишь меня своим пессимизмом. И кстати, брат, как считаешь: пять минут побыть куколдом не означает унизиться навсегда? – намекнул на незавидную роль брата при наркобароне Призрак.

– Вообще-то нас обоих к нему приставили, ты у нас испаноговорящий... – возразил старший Вакарский.

– Ну, мы, кажется, с тобой все «на берегу» обсудили и решили, что я помогаю только с «контейнерами», хотя ты и сам бы справился. Поляков из легиона привез?

– Поляки будут утром в Горнале. Ничего не подозревают. Мы с тобой их встретим, – посмотрел в потолок Степан, разглядывая расплзающуюся в одном из углов паутину.

– Мы с тобой? Мог бы и сам без подстраховки. Не вижу трудностей. У тебя достаточно верных людей, да и количество бойцов Эль Ратона впечатляет. Они ведь нигде не задействованы, кроме этого «бизнес-проекта». – Призрак уставился в тот же угол и многозначительно изрек: – Мышь оказалась пауком.

– Мне нужно будет отъехать в Сумы. Так что за меня денек побудешь, вызвал начальник ГУР, что-то планируют параллельно курскому направлению. Может, Беларусь, может, Брянская область... Не знаю.

– Дебилы. – Младший брат осушил бокал, не чокаясь. И вдруг вспомнил, что мексиканцы торгуют не только наркотиками: – Угостил бы твой новый друг сигарами.

– Вот и попросишь у него сам, – среагировал брат. – Там, в Горнале.

– Не могу все-таки понять, зачем я тебе там? Вот возьми этого пленного и других, там уже, кажется, человек девять накопилось. С этим так точно девять будет. Отвези Мыши, и пусть он им права качает, – упирался Призрак.

– Я что, часто тебя о чем-то прошу? – не отставал Львов.

– Пристал же, спасу нет. Предчувствуешь что-то? Ну не проси тогда, а прикажи.

– Я прошу. Ты брат мой.

– Ну хорошо. Съезжу ненадолго и прихвачу с собой девицу, – нехотя дал согласие Призрак.

Львов пронзил брата холодным взглядом с явной укоризной:

– Опять ты за старое? Девочек наших не хватает, чай, не все киевские шлюхи в Дубае и в Амстердаме?

– Тут другое удовольствие, – снова глянул на паутину Призрак. – Это соревнование с врагом. Адреналин. Это трофей. Мой трофей. Победитель получает женщину достойного соперника, а не обыкновенную шлюху, не понять тебе.

– Куда мне, брат, это ты у нас вундеркинд. Я родной украинский еле выучил, иначе б не видать мне в ГУР карьеры и погон выше лейтенантских. А ты у нас полиглот, даже с мексикашкой на его языке сможешь шпрехать.

– Невеликое, скажу честно, удовольствие.

– Но придется, братишка, ничего не поделывать. Хотя... Тут тогда еще одна проблема нарисуетя, ведь он до девок охоч. А если не устоит перед твоей новой блонди? Примет ее за свой трофей, а не за твой. Точно решил с собой ее прихватить? Может, ну его?

– Ты что ж думаешь, я свой трофей защитить не смогу? Что мое – то мое.

– Хм. Ну смотри сам. Не мне тебя учить, к тому же ты все всегда по-своему делал. Там мероприятие подготовлено, – заговорил снова о деле Львов. – Но все равно без тебя как без рук. Гора эта Фагор, где охота намечена на этих поляков, что себя мнят охотниками, а не оленями, внушает мне страх какой-то. Дама эта дерзкая твоя, трофей этот, отвлекать от дел будет. Хочешь, я ее под конвоем в Киев доставлю? А потом ты после дела туда. Сделал дело – гуляй смело. Накувыркаешься, и снова за ленту, можешь и с ней с ней, чтоб она тебе душу бередила хоть в блиндаже, хоть в распоряге.

– Не, с собой возьму. Говоришь, забрать этот черномазый может мое? – прищурился Призрак.

– У меня бы забрал... – признался Львов.

– У тебя бы да, но не у меня. Кишка тонка! Сомневаешься?

– Не знаю... – честно ответил старший Вакарский.

– Вот и она во мне сомневается. Сказала, что защитит ее от меня ее муж, морпех. Уверяет, что лучший он – самый лучший штурмовик во всей бригаде.

– А ты что? – напрягся брат, – На дуэль вызвал?

– Вызвал.

– Мне не до шуток. – потребовал подробностей старший Вакарский.

– Завела она меня, когда очнулась. Красивая и не деревенщина. Генеральская дочь, аристократка. Фигура отпад и правильные черты лица. Она моя.

– Влюбился, что ли? Ну ты же понимаешь, что взаимность исключена? Зачем эти лишние телодвижения? Ох уж эти твои тараканы. Так я не понял, как ты его вызвал и куда? – ждал ответа Львов.

– Так и вызвал, по сотовому телефону. Телеграмм работает бесперебойно, пригласил его и даже дал ей поговорить с ним. С Матвеюшкой ее. Защитник моей красавицы в тылу инструктором устроился. Генеральский зять, где ж ему еще кантоваться? Такие передка боятся как черт ладана. Хотя черти – это мы, так ведь, брат?! И мы ничего не боимся. Пусть приедет и заберет свою женушку молодую, если не трус и если жизнь не дорога. Такая ставка.

– И снова устроишь сценку «Секс за спасение родных»? Это тебя заводит, брательник?

– Двойное смирение. Он смотрит, она обслуживает.

– Я этого в порнухе посмотрелся. Ничего интересного, – сплюнул Львов.

– Да ты и в жизни это видишь, когда ходишь на поклон к мексиканцу, – искривил лицо Призрак, изобразив брезгливость.

– Только вот оскорблять меня не надо. Я терплю нам обоим во благо. Ладно, не мне тебя учить. Надо дело делать. А дуэль твоя никуда не денется. Только зачем?! Она и так смирилась с данностью и будет заниматься с тобой любовью, чтобы самой выжить. Припугни и оттрахай! Чай, не дура – понимает, что никто сюда за ней не явится, если даже и захочет – то не доберется.

– Она так говорила о своем Филине, с такой теплотой и надеждой, что я даже позавидовал, – вспоминал вслух детали разговора с узницей каратель. – Поверил на мгновение в ее

веру, как замороженный слушал их разговор. Я тонкий психолог, понимаешь, паника прошла у нее. Уверенность появилась. Он ей что-то такое сказал, что ее успокоило. И мне сказал одно только слово: «Жди»... А может, и доберется до этой Горнали. Я докажу, что я лучше. Сильнейший забирает все.

– Смотри осторожней со своей манией величия, – предупредил Львов.

– Манечка моя, ты тут прав, бзик такой. Ты его знаешь. И ты его, брат, развил, не отрицай вину. Хотя и не виню я тебя ни в чем. Этот бзик и есть моя сила, мое преимущество. Невоспитанный я и не терплю конкуренции. Единственные дети гораздо воспитаннее тех, кто проживал в вечной конкуренции! У них в детстве никто не отнимал газировку!

Вакарские оба засмеялись, вспомнив совместное детство, и закусили виски соленым огурчиком и салом без прожилок. Война была стихией обоих, риск был их наркотиком. Отличие состояло только в том, что Призрак поборолся бы за трофей даже с братом. Причем бился бы до конца, невзирая на логику и последствия.

Они пили еще несколько часов. Крепко пили и немного закусывали.

– Они тупые как свиньи! – бахвалился младший брат, оценивая поверженных «орков». – Вытянулись в струнку, когда я их отчитывал. Когда я расстреливал их старшего в упор, он так и не понял, за что!

– Нам просто везет, что у них штурмовики такие, невнимательные и глупые, – поддержал старший, но Андрей не оценил...

– Нам везет не поэтому, а потому, что я – гений!

– Ты – легенда! Ты – Призрак! Глава ГУР уже написал представление по моему ходатайству! Слова не сказал, что я за брата родного прошу. Знают все о твоих подвигах и ценят! Восхищаются! Зеля все подпишет! Мой младший брат получит героя Украины. Но завтра... Завтра мы с мексикашками. Латиносов потерпи. Я же терплю. Ради нас все. Запасной аэродром, понимаешь? Нам все равно всем кирдык! Организуем охоту, а потом езжай на передок дальше кацапов и корейцев с бурятами резать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.